
РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Интеллектуальные вариации о смысле...

(Размышления о книге А. Смирнова «Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл».
М.: Языки славянской культуры, 2015. 712 с.)

Что, если холод будет, как зимой?
Поможет ли тогда волшебный рог?..

Ли Цин Чжао

В статье в форме размышления с самим собой даётся представление о новой книге А. Смирнова, утверждённой к печати Учёным советом Института философии РАН. Книга построена как обобщение ранее опубликованных текстов. В этом научном издании раскрывается вся мощь естественного языка в рамках субстанционально-ориентированной и процессуально-ориентированной парадигм. Подчёркивается напряжённая логичность и чистота языка текста.

In an article in the form of reflections with itself gives an idea about the new book by A. Smirnova, approved for printing Scientist Council of the Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences. The book is structured as a synthesis of previously published texts. In this scientific publication expands the power of natural language in the substancial'no-oriented and procedural-oriented paradigms. Underlines the tense logic and the purity of the language of the text.

Ключевые слова: парадигма, методология, смысл, культура, логика мышления.

Keywords: paradigm, methodology, meaning, culture, logic thinking.

Для рассматриваемой книги в прямом смысле невозможна рецензия. Разве возможна постановка вопроса о рецензии мира? В нашем случае речь идёт о выборочных заметках на полях. Так мы отграничиваемся, отстраняемся от текста и автора.

Что поможет нам в поисках смыслов? И как их найти и выразить? – вопросы, которые волнуют всех, от школьников до учёных мужей. И мы чувствуем, что это фундаментальные скрепы нашего бытия и нашего духа. В книге это предчувствие превращено в чистую материальную мысль-действие. Это мыслительное действие страстно мотивирует наши интеллектуальные поиски. А что может быть выше?

Нам нравится, что смысл во введении жёстко поставлен **в начало** всего. Мы согласны с тем, что категория смысла плохо проблематизирована. Но мы не согласны, что науки не могут заниматься смыслом, хотя бы в аспектах образования. И тем более мы недоумеваем, почему в названии смысл обозначает окончание, а в структуре книги его даже нет, хотя автор и замечает, что «структура книги в какой-то степени условна, поскольку вопрос о смыслообразовании – это единый вопрос» (с. 9)¹. Весьма точно: единый, а не единичный и не единственный...

Мы не уверены в рамке правил методологической «игры» автора, что «не обладаем ничем, кроме своего сознания, что любая убежденность в заданности внешнего мира, как и сам заданный для нас мир, – не более чем содержание нашего сознания» (с. 8). Слишком уж сильная абстракция. Конечно, обладать можно лишь тем, что имеешь. Но сознание далеко не индивидуальный феномен... И как разрезать связи? Да и кто задаёт для нас мир? Куда деваться процессам? Почему на практике субстанциональная парадигма сметает всё на своём пути?

Значит, смысл – организованность нашего сознания? И как тогда понимать, что содержание сознания это и есть результат движения от смысла... Тавтология может быть продуктивной, если закольцована методом «выражения-обозначения того же иначе». Так вырастают две логики (парадигмы – субстанциональная и процессуальная) движения от смысла к смыслополаганию.

Воспроизведём-обозначим категориальное пространство (картину мира) автора. И оставим напоследок вопрос: что помещается в это пространство? Может быть, смысл как рукотворный дух (метод чего-то)?

¹ Здесь и далее ссылки только на названную книгу.

• *О сознании.* «Такая пред-данность Я составляет второе из двух условий смыслополагающей деятельности, которую мы называем сознанием» (с. 25), где Я «дано мне до и вне какой-либо активности моего сознания» (с. 22). Дано! А содержание сознания, его деятельность, выражается в его непрестанном изменении.

Целостность сознания – это изменчивость как таковая (с. 42–43), выраженная в сплаве Я и полотна красок (метафора текучести и самостоятельности мира). А далее – остаётся творение-поиск форм выражения и в книге, и в познании, и в деле...

Пространство конституирует материальную субстанцию, время – действие (с. 238). Таковы истоки-основы человеческого видения. И логики, и практики.

• *О полотне мира.* Текучий, сырой материал ощущений (абсолютный, хотя и наш фон) превращается в наш мир в ходе работы нашего сознания. Предметы не даны нам изначально, «возникают» как связность мира и смыслы чего-то – итог деятельности сознания (с. 22). Не ясно, есть ли место истории как в данности Я, так и в данности полотна красок?..

• *О вещи.* Вещь – всегда субъект-предикатный комплекс; вещь – это центр (раз субъект подлежащее), к которому стягивается всё содержание (многообразие предикатов); путь вещи – от чистой субъектности к краскам предикатов, т. е. от смысла к осмысленности (с. 26). И далее: «...мы обнаруживаем мир, потому что обнаруживаем субъектность вне нас» через вещь (с. 31), т. е. через задание некой границы... «Путь вещи... – творческий путь... Вещи могут полагаться по-разному, то есть – не только субстанционально. Вещи могут полагаться процессуально» (с. 47).

• *О мышлении.* Предикация – способ нашего мышления (смысл-ения); мыслить, с-мыслить – рождать смыслы (с. 20, 30 и др.), т. е. встреча двух условий нашего сознания – данности Я и данности Фона ощущений; «мы не можем мыслить то, в чём нет фиксированности, схваченности; но точно так же мы не можем мыслить то, в чём нет текучести» (с. 21).

«Между тем мы пока умеем мыслить только остановленное; только то, что возможно благодаря именам, а не глаголам; мы умеем мыслить субстанционально или процессуально, но мы не умеем мыслить, что инвариантно в отношении этих вариантов» (с. 69). Что тут скажешь? Да, мы получили нормы мышления, неважно даже, от чего или от кого. И да, мы понимаем рукотворность логики мышления, законы которой и невозможно нарушить именно потому, что это законы смыслополагания. И только потом и поэтому это законы мира.

Два разных устройства предикации (С и П – предикация), две логики мышления априорны (с. 435). Отсюда, например, интересно помыслить проблемы различения реальности и описаний в субстанциональной и процессуальной парадигме. Так нас воодушевляет следующий ряд рассуждений: «в арабо-мусульманской культуре противоплагаются знания и действие, а не знание и вера», «вера является результатом взаимного фундирования знания и действия. В этой логике “вера” служит понятием, обобщающим “знание” и “действие”, понятием, обеспечивающим их единство» (с. 443).

• *Ещё раз о смысле* как о субстанции, живущей в парадигме-пространстве категорий автора. «Смысл понимается как чистая связность... как чистая целостность»; «связность мира и связность речи могут быть поняты из чистой связности... связность может быть только изначальной. Вот почему мы можем объяснить мир, исходя из анализа сознания, но не наоборот» (с. 68). Смысл субстанциональности – в объяснении мира через многообразие качеств-субстанций; смысл процессуальности – в объяснении мира через многообразие действий. Важно, что в последнем случае процесс действия получает независимый онтологический статус (с. 226–227). Мы согласны: если мир, универсум деятельности, полотно красок – это единственное, с чем имеет дело сознание, то картина мира – полотно осмысленности, рамка, модель, психосемантическая парадигма... функционирования нашего сознания.

Работа-книга построена как дом для смыслов; и все приложения об этом. По-видимому, не случайно говорят о восхождении к смыслам... Может быть, несколько романтически смысл выражается-развёрстывается в любви к Делу, Деятельности, Миру, а сознание-язык даёт только форму?..

• *О любимой всегда культуре.* (А что ещё может быть любимой?)

Культура как механизм (способ) смыслополагания даёт понимание единения и различения культур: способ смыслополагания – это способ превратить смысл в осмысленность: способ задать предел, определить тип субъекта (вещи) и тип его различения (тип предикации) (с. 407, 419 и др.).

Весь, вдумчивый и въедливый, материал об арабо-мусульманской культуре – и фундаментальный, и прикладной одновременно. Это книга в книге. Такая метафора оправдана, когда текст лежит в оправе парадигмы, без системы которой он так не держится и так не играет. Для нас заинтересованное, с искрами любви, отношение автора к текстам этой культуры – окно в новый мир. Наверное, нам поздно входить в этот мир, но окно открыто, и мысли вместе с красками ощущений идут...

Раскрытие на материале иной (инаковой) культуры образованностей процессуальной парадигмы в итоге продуктивно для понимания нашего мира. Автор избегает жёсткого различения реальности и описаний. И все же различие «исторически существующей культуры» и «теоретически сконструированной культурой как способом смыслополагания» явно формулируется (с. 70). Есть ли здесь объект, и что есть модель? Судя по началу, существует негласная установка на фундаментальность с онтологическим статусом описаний. Только отсюда понятно такое неожиданное и сложное название книги.

Заключение. Рассматриваемая книга, хотя и построена на отдельных публикациях разных лет, воспринимается удивительно цельно, как песнь средневековых вагантов о смыслах. Что это по жанру: монография как некая целостность? Да, но нет, потому что прямо нет истории жизни темы-проблемы, да и соответствующего традиционного стиля оформления-изложения. Может быть, это своеобразный талмуд, т. е. что-то трактующее и создающее трактовку мира и мысли? А ведь на этой идейной платформе возможно производство смыслов... И успешность сборки текстов в книгу это демонстрирует.

Стиль текстов лежащей перед нами толстой книги – удивительно чистый, прозрачный и холодный, простой и сложный одновременно, страстный и живой. И мы согласны с автором, что «если начало найдено верно, оно открывает путь; даже не так: оно заставляет идти по открывающемуся пути» (с. 452). В чём же суть начала? В гипотезе альтернативности субстанциональной и процессуальной логики осмысления? В раскрытии бедности нашей прямолинейности? В призыве к действию (предметному, чувственному, мыслительному)?

Мы читаем книгу Смирнова, и само это – единое «субъект-предикатное» событие-действие, хотя мы пространственно-временно разделены, но мысленно, процессуально и даже духовным прикосновением объединены. Словом, читать знаки-слова всех частей и объёмного приложения в 250 страниц было завораживающе притягательно. Нас книга волнует, двигает и ведёт вперед, в прошлое и будущее. Согласитесь, что это не просто так...

Ю. Сауров